

Воздух этот – густой, колючий, как в первый день,
Поселился в тайге, спустившись с Уральских гор,
Как дремучий старик, репейником поредел
И кривые белёдые когти вонзил в бугор.

И остался он здесь, крепчая на пустырях,
Разговляясь к зиме, сбивать человека с ног
И на горках кружить укутанных пострелят,
Чтоб никто никуда уйти от него не смог.

Молодые блёкли, кукожились старики,
Устремлялась вода, и рыба на ней спала.
И никто не ходил за город и в брод реки,
И катилось холодное солнце на край села.

А за краем села, в болотах, в глухих местах
Янтарилась брусника, плясала лесная чудь;
До рассвета судачили, кто говорить мастак,
И струился ровней дымок от ночных лачуг.

И казалось, что небо, прибитое на гвоздях,
Растрепалось на нитки, когда я шла по лесам.
И шумело вокруг, и в душу струил сквозняк,
Выдывая искон и становясь исконом сам.

* * *

Оставьте осень во дворе
Чернеть обугленными вётрами,
И день, обрубленный на треть,
И копоть солнца полумёртвого,

И тишину на шесть шагов
Раскачивающейся комнаты,
Где мир и Царствие Его
Окном заклеенным разомкнуты.

К чему белила наносить,
Рядиться в платье подвенечное,
Когда, кровавей Хиросим,
Закат чадит над человечеством,

И правда корчится в бреду
Последней прихотью пресыщенных,
О том, что завтра снег дадут
И ничего за то не взыщут с них.

* * *

И метнуло меня через сон в темноту декабря,
Где ревут под ботинком до крови разбитые лужи.
У чужих и стеклянных глаза с пустотой говорят.
Научите меня. И пускай безучастное глушит,

И пускай заливает глаза свежесжатый свет:
Электрический рай сквозь сырое окно электрички.
Если я не онлайн, это значит: меня уже нет,
А слепой объектив принимает лицо за обличье.

Лайкни фото моё, здесь любовь обращается в ноль,
Обрастает корой и горой безучастного хлама.
Да простит нам Господь, у которого фото одно
Бесполезно висит на груди деревянного храма.

* * *

Не мозоль глаза, не ходи окрест.
Гребень под ноги выпадет – встанет лес.
Ни души, ни голоса, ни жилья,
Льётся эхо стеклянное на поля.

Проще – спрятаться, лучше – залечь на дно
В лёд врастать – не гнить. И не холодно.
И лицо свежо, и душа молчит.
Вот и день прошёл холостым, ничьим.

Белый кречет за море улетел.
Здравствуй, суженый, – вьётся у ног метель.
И струится воздух, как самогон,
На снежок, раздавленный сапогом.

Во гробу хрустальном уснула плоть
Не резон теперь пустоту молоть.
Спи да ешь, да пей, да расти большой.
День прошёл. Глядишь, вот и век прошёл.

* * *

От Болшево до Подлипок – полпарка и гаражи.
Пустое четверостишье, засохшая резеда.
Чтоб солнце весь день горело –
На цепь его привяжи,
Из мусора и окурков поэзию созидай.
«Да чтоб тебе было пусто,» – мне комната говорит,
А окна откроешь – то же, и ветер горяч и жухл.
От Болшево до Подлипок – проносятся фонари,
Окно запеклось от пара.
– Выходите?
– Выхожу.

* * *

Прошлогодняя тает вода, отворяется боль,
Как худое окно на пустырь, оголяющий рёбра.
Уходящий февраль в чёрно-белом зовёт за собой,
И старуха навстречу несёт опустевшие вёдра.

Убывает луна, превращается в лунку, куда
Расщепляясь на свет и пыльцу, уплывают растенья.
Ветер воет в полях, это ртом шевелит темнота –
Первобытный приют, так похожий на девичье пенье.

Что останется нам? Слишком много случилось до нас,
Сытых дедовским хлебом, умытых водой прошлогодней.
Это мы убываем. И лунный смыкается глаз,
Да Симурги крылатые воют из всех подворотней.

* * *

Чьё-то окно, ты смотришь на гаражи,
На магистраль, на снег, поражённый оспой.
Шторам приснится солнечный Геленджик,
Квас ледяной, чурчхела, табак и осы.

Маленькой мне за шиворот лезет снег,
Над головой смыкается белый купол.
Папа! – кричу, – мне холодно! И во сне
Он, как живой, сквозь снег, подаёт мне руку.

Улица, осень, зачем тебе эта муть?
Спим и сидим – зашторены и свободны.
Стали мы старше, строже. И потому,
Как в детсаду, не ходим за руки по два.

Ходим одни, наматываем круги,
Чёрные окна плятятся на прохожих.
Мы ещё живы. Господи, помоги.
Мы ещё живы, значит, мы что-то можем...

* * *

Чувствую, как рушатся опоры,
Заплывает кто-то за буйки,
Кверху брюхом, надвое распорот,
Над землёй кровавит рыба-кит.
Площади полны химер и чудищ,
Полых изнутри папье-маше.
Смотрят на тебя, а ты не чуешь,
Темноту хранишь среди вещей,
Надеваешь новое, как тело,
Принимаешь форму и фасон
Вбитый в быт, зажатый до предела,
Бытию удобного во всём.

* * *

Потому что не надо молчанием душу сверлить,
Деревянное время тик-так – и похоже на жизнь.
Сколько было до нас: не догнал, поскользнулся – верлибр.
Притворись будто спишь, но не спи и тихонько лежи.

Не смотри на меня, разукрашенный панцирь тоски,
Не качай головой, не толкуй о карьере и целях.
Притворяйся, что спишь и не помнишь Великую Скифь,
Что поила ветрами и сроду была на прицеле.

Притворяйся что спишь. И не страшно проходит зима
Между утром и днём, между улицей и кабинетом.
У кого ничего не болит, тот не сходит с ума,
У того есть семья и работа, а родины нету.

Накупи себе разных вещей и закутайся в них,
Проживи как другие, не хуже Европ и Америк.
Телевизор поёт: «только миг, ослепительный миг...»
Притворяйся, что спишь, только я ни за что не поверю.

* * *

И нет ни горницы, ни света,
Ни пресловутого угла,
Чтоб память, как ночная Сетунь,
Своё начало обрела,

Чтоб не болталась по бульварам,
Как по полю сухой колтун,
Летя легко и промтоварно
То в эту сторону, то в ту.

И вот, уже не замечаешь
Как люди ходят сквозь тебя:
В лохмотья кожу измочалят
И волосы истеребят,

Как будто ты уже не с ними
Скользишь по глади хрупких вод
Над вымерзшими мостовыми.
И снег идёт, идёт, идёт...

г. Заводоуковск, Тюменская обл.